

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН

Гуманитарное Агентство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Санкт-Петербург
2000

СОВЕТСКОЕ ЛИЧНОЕ: «СЕМЕЙНО-БЫТОВАЯ» ТЕМА В ПРЕДВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анна Крылова

Новое течение в советской литературе конца 1930-х годов было осознано как литераторами, так и партийными чиновниками, курировавшими искусство. Популярными шпионские пьесы, типизированные персонажи советской поэзии, равно как и стройки в качестве главных героев и тем повестей и романов, стали подвергаться нападкам как устаревшие, искажающие и примитивизирующие многообразие советской жизни и новой советской тематики. Такие сюжеты, как советская семья и советская любовь, исследованные через призму категорий «личности» и «личностного», попали в центр общественного внимания и сформировали ведущее направление в предвоенной советской литературе. Эти новые темы, несмотря на неоднозначность их оценки то как «пустых», то как «прогрессивных», были признаны остроментными, актуальными и востребованными читателем, равно как и наиболее отражающими коренные изменения в советской общественной и культурной жизни¹.

Право новых тем на существование не вызывало вопросов. Проблема состояла в том, чтобы найти «правильный» способ их представления, отражающий новый социокультурный феномен — возникновение первого истинно советского поколения. Эти люди, вышедшие на общественную арену в конце 1930-х годов, прошли через десять лет советской образовательной системы и теперь представляли перед своими старшими товарищами чередой неожиданно сложных, многообразных личностей. Избегая двойственного противопоставления личного и общественного, но скорее предлагая неразрывные и взаимосвязанные отношения между этими категориями, литература конца 1930-х годов представляла желание нового поколения обрести любовь и семейное счастье как естественное и неоспоримое. К концу 1930-х эпоха, когда личное приносилось в жертву общественному, ушла из партийных и литературных дискуссий, тогда как обсуждение взаимоотношений между работой, семьей и любовью в жизни нового поколения было в полном разгаре².

Партийная и советская печать благосклонно освещали новые пьесы и романы, получившие название «бытовых». В статье о детской литературе, опубликованной в «Правде», С. Маршак приветствовал новый интерес к внутреннему миру детей, их дружбе «и даже любви». Согласно Маршаку, практика становления детского характера на фоне родительской неверности и разводов приобрела широкое распространение к 1940 году³. «Правда» не осталась в стороне от обсуждения романа Р. Фраермана «Дикая собака Динго», повествующего об отношениях в подростковой среде. Этот роман породил дискуссию, в которую на протяжении более чем года были вовлечены литературные и театральные критики, Союз писателей и Комитет по делам искусства⁴. В 1940 году «Правда» сама организовала дискуссию о романах новой тематики, привлекая внимание читателей к роману Ф. Кнорре «Твоя большая судьба» — произведению, повествовавшему о трагедии личного счастья и проигнорированному советскими критиками. Роман Кнорре разворачивается вокруг внутреннего мира героини, которую смерть мужа почти довела до самоубийства: «Но я слабый человек... Я плохая. Пусть другие

будут хорошими. Пусть они занимаются общественной работой, когда убивают их мужей, а я не могу...»⁵

Книга Кнорре не была единственной в своем роде. Несколько наиболее значительных предвоенных пьес также обращались к проблеме чрезмерного отождествления личности с личным, что делало героинь этих пьес уязвимыми. В то же время, анализ взаимоотношений между личным и общественным в жизни женщин составлял ядро большинства бытовых пьес и романов. Поскольку проблемы нового поколения раскрываются в них на примере женских персонажей, можно предполагать, что советские писатели и авторы пьес идентифицировали предвоенное поколение и такие понятия, как личность и личное с «женским вопросом». Исходя из предположения о «феминизации» предвоенного поколения и взаимоотношений между личностью и обществом, мы построим свой анализ на основе категории пола и взаимоотношений между личным и общественным, между образами матери, жены и идеалами самореализации советской женщины.

Попытка разрешения проблем нового поколения на страницах советских романов, пьес и стихотворений не только утвердила личное как определяющий аспект советского сознания, расширив таким образом границы последнего, но также спровоцировала развитие новых литературных приемов и жанров, которые основательно изменили структуру повествования. Децентрализация общественной сферы в советских романах, перенесение основного действия в частную сферу в советских пьесах и экспериментаторство в области лирического самовыражения в советской поэзии характеризовали социокультурные изменения и порождали новые способы изображения новой реальности.

Соответственно, анализ новых для советской литературы проблем семьи и любви и новых форм их выражения является не только предметом изучения нового этапа развития советской литературы, прерванного войной, но одновременно попыткой понять весь культурный комплекс жизни советского общества, начиная со знакомства с поколением 1930-х годов. Осознание самовосприятия, тревог и мечтаний этих людей имеет принципиальное значение для понимания советской культуры военных и послевоенных лет.

«Это действительно новое поколение комсомольцев»:

поколение-хамелеон

Коммунисты и комсомольцы
вовсе не против личной жизни,
любви, нежности и дружбы⁶

Правда, 1940 г.

Между 1938 и 1940 годами число членов ВЛКСМ удвоилось. Однако гордость за более чем десятиmillionную организацию лишь скрывала недостаточность знания того, что же из себя представляет новое поколение комсомольцев.

К этой проблеме часто обращались старые комсомольцы и коммунисты, писавшие в «Правду» и «Комсомольскую правду»: «Я почти обескуражен. Этот парень родился, когда я вступил в комсомол. Я наблюдал за ним и думал про себя: это действительно новое поколение комсомольцев, в незнакомстве с “истинным лицом” которого убеждает нас автор статьи»⁷. В конце 1930-х годов главной темой статей партийных и комсомольских активистов становится признание того, что процесс омоложения организации упущен и связь с юными массами потеря-

на. Эти жалобы нашли свое окончательное выражение в постановлении ЦК комсомола «К улучшению работы с комсомольским активом»⁸.

Восстановление связи с молодыми неопитами оказалось непростым начинанием, поскольку не было простым исправлением случайных недостатков в работе комсомола. Сама возможность нахождения общего языка между поколениями представлялась проблематичной. Согласно дискуссии, развернувшейся на страницах «Правды», юные комсомольцы, рожденные в начале и середине 1920-х годов, представляли собой новый социокультурный феномен и рассматривались не просто как следующее поколение, но скорее как неизвестные и загадочные чужаки. Эта новизна происходила из недавно открытой способности нового поколения вести двойную — между личным и общественным — жизнь. «Целостная» личность революционного поколения, для которой общественное было неразъединимо связано с личным, оказалась противопоставленной раздробленной многоликой толпе.

В «Правде», например, отмечалось, что новому поколению свойственна внутренняя расщепленность личности, в которой удивительным образом сочетаются, казалось бы, несочетаемые качества. Это поколение вело себя по-одному дома и по-другому в классе, говорило одним языком на комсомольских собраниях и другим в частной беседе, эти люди были достаточно начитанны, чтобы цитировать Блока и Маяковского девушке на свидании, могли без труда отпустить грязную шутку в адрес женщины в мужской компании и в то же время сделать доклад в школе по случаю Международного женского дня⁹. В отличие от двуликих «буржуазных элементов» 1920-х и «врагов народа» 1930-х, чье раздвоение личности легко объяснялось внутренним конфликтом с молодым советским государством, новое поколение являлось порождением самой системы — но, без сомнения, порождение это не было нисколько запланированным. Его кажущаяся двойственность необъяснимо произошла из самых основ советской жизни, из новых общественных условий, и обнаружила пугающую потерю контроля со стороны партии и комсомола над процессами, происходящими в обществе¹⁰. «Кто виноват?» — этот вопрос появляется один раз как заголовок и неоднократно в качестве темы статей в «Правде».

Корни расщепленности нового советского человека, который сумел выработать разные языки, системы ценностей и способы поведения для разных типов социального окружения, лежали в области личной и семейной, тогда как газета в первую очередь винила в упущениях партийные организации и их активистов. В партийных дискуссиях личное представлялось в виде негативного элемента, подрывающего всеобщие усилия, направленные на развитие экономики страны и ее подготовку к возможной, хотя и далекой войне. Опоздание или неявка на работу, например, рассматривались как результаты «недисциплинированной» личной жизни, усугубленной пьянством и развратом¹¹. Однако озабоченность официальных кругов по поводу личного была связана не только с влиянием последнего на экономическое развитие страны. Личная жизнь представляла собой явление, столь же неизвестное, как и само новое поколение. Это было серьезное упущение советской идеологической системы 1930-х годов — обходя вниманием столь существенный элемент советской действительности, идеологическая система позволила личному развиваться своим путем.

Согласно выводам официального обсуждения, процесс восстановления связи с новым поколением напрямую зависел от постижения личной сферы советского общества. Таким образом, будучи не в силах игнорировать появление нового поколения и связав его внутреннюю раздвоенность с областью личного, официальная идеология предвоенных лет признала существование частной сферы и мобилизовалась на ее освоение и подчинение. В отличие от 1920-х и начала 1930-х годов, когда личное всецело отождествлялось с общественным, личное и общественное в конце 1930-х — начале 1940-х годов представлялись родственными

сферами, и — в идеале — гармонично связанными друг с другом¹².

Частная жизнь оказалась предметом обсуждения на страницах «Правды», расширив область компетенции газеты. Активистам и аппарату предлагалось обратить внимание на область личного и пытаться проникнуть в нее при помощи персональных бесед. Общежития и дома стали отныне не менее важным местом проведения агитационной работы, чем общественные, партийные и комсомольские собрания. Комсомольским лидерам настойчиво советовали быть вожаками молодежи не только на работе, но и на отдыхе¹³. Освоение личного не сводилось ни к простому проникновению активистов в частную сферу, ни к словесным излияниям на собраниях после работы. «Правда» открыла широкую кампанию, предложив свои страницы для литературной дискуссии о личном и общественном и о новом советском поколении, развернувшейся ранее в «Литературной газете». Такие темы, как семейная жизнь, любовь и дружба, прижились в «Правде» и приобрели политическую значимость. В результате главный официальный печатный орган страны стал рупором нового советского человека с его внутренним миром, мыслями, эмоциями и чувствами. Вознесенный до уровня «души искусства», новый советский типаж занял центральное место в литературе конца 1930-х годов. «Правда» призывала литераторов прекратить превращение частной жизни человека в невыразительный фон, на котором разворачивается рассказ о великих стройках и сражениях. Писатели подвергались критике за то, что «прячут людей, их работу, их взаимоотношения, их мысли, радости и горести, мельчайшие проявления их жизни» за «заводскими трубами», за «асфальтированными дорогами» и за «учебниками по навигации»¹⁴. Общественная сфера в ее героическом выражении как единственное вместилище новых качеств поколения пошатнулась под натиском обыденных проявлений частной жизни.

Важность личной и семейной сфер получила дальнейшее развитие в «Правде» в статьях о детской литературе. Интерес газеты к эмоциональной жизни подростков, первой любви, свидетельствовал о серьезности намерений в деле изучения процесса возмужания нового советского поколения. Роман Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939) — одно из наиболее противоречивых произведений «на юношескую тему» — превозносилось в «Правде» за изображение «большого человеческого чувства», а также за обсуждение с молодым и образованным читателем сложных проблем «семьи, пробуждающейся любви и дружбы»¹⁵.

Восхваляемая за простоту, повесть Фраермана была все-таки далека от примитивизма и стереотипа. Главная героиня повести Таня, четырнадцати лет к началу повествования, изображается в процессе преодоления комплекса жертвы и отчуждения, возникшего в результате ухода из семьи отца, когда Тане не было и года. Через Танины мысли и чувства, через ее общение с матерью, отцом и приемным сыном отца — первой Таниной любовью — писатель изучает ощущение взросления и подростковое восприятие себя хозяином собственной судьбы. Повесть посвящена прежде всего событиям и превратностям частной жизни, которая наделяется особым значением в процессе формирования личности.

Для нового поколения советской молодежи неразрешенные конфликты личной жизни приобрели огромное значение и представляли основными дестабилизаторами общественного поведения и школьных взаимоотношений подростков. Только после того, как Таня почувствовала боль своей матери, вызванную расставанием с любимым человеком, после того, как она поняла, что любовь есть иррациональное, с трудом поддающееся контролю чувство, которое никогда не бывает в равной мере присуще разным людям, она освободилась от чувства вины и беспомощности и выработала в себе способность самой направлять свою личную и общественную жизнь. «Папа, — говорит она, — милый мой папа, прости меня. Я на тебя раньше сердилась, но теперь понимаю все. Никто не виноват —

ни я, ни ты, ни мама. Никто! Ведь много, очень много есть на свете людей, достойных любви. Правда?»¹⁶

В контексте попыток «Правды» понять новое поколение и соответствовать его интересам партийный запрет, наложенный на некоторые бытовые пьесы в 1930—1940-е годы, и в особенности мощную кампанию против фильма о жизни советских студентов, снятого по сценарию Авдеенко («Закон жизни») следует рассматривать лишь как нападки на отдельные примеры «фальшивого» изображения личной и повседневной жизни, а не как попытку искоренить тему целиком¹⁷. Таким образом, в предвоенные годы «Правда» распространила свое влияние на частную жизнь своих читателей и предприняла своевременные усилия к восстановлению связи с аудиторией.

«Обходные литературные приемы»

Показать же человека только действующим, только прилагающим свои силы, не углубляясь в его душевный мир, значит показать его односторонне, то есть показать таким, каким он в природе не существует, а это значит не показать его¹⁸.

Литературная газета, 1940 г.

На страницах «Литературной газеты» обсуждался другой аспект адекватного отражения жизни нового поколения. Утверждалось, что для того, чтобы разглядеть «героя нашего времени» «лицом к лицу и душа в душу», необходимо выработать новые литературные принципы изображения, соответствующие его масштабам. Та трансформация, которую испытывал новый советский человек, была осмыслена на страницах «Литературной газеты» в более широком, чем в «Правде», историческом и философском контексте. Изменилось не только самовосприятие, восприятие семьи, друзей и любимых, но было выработано целиком новое мировосприятие, новое понимание места индивида в истории, ставшее результатом предшествовавших бурных двадцати пяти лет. Затронутой, как отмечал А. Гурвич, оказалась и сфера чувств и эмоций, поскольку «чувство есть историческая категория». Авторы, откликнувшиеся на столь значительные исторические изменения не просто сменой тем, но и обновлением повествовательной манеры, неизбежно привлекали внимание. Их произведения, воспринимавшиеся либо как творческое отражение новой действительности, либо как искажение жизни советского общества, неизменно вызывали горячие дискуссии¹⁹.

Летом 1939 года развернулся интересный спор о способах отражения «нового состояния (советской) души», возникший вокруг сборника рассказов Л. Письменного. Некоторые участники дискуссии разглядели в рассказах Письменного «опасные тенденции», обвинив автора в том, что он сделал «обыденность» центром своего повествования. Под «обыденностью» понимались «серые», приземленные сюжеты из личной жизни с переносом основного действия из общественной сферы в частную. Преобладание личного рассматривалось как лишение советской действительности «социально-значимых» и праздничных тем.

Сторонники Письменного активно не соглашались с тем, что автор игнорировал в своих рассказах социальную проблематику. Они хвалили автора за удачное отображение многостороннего характера советского человека, достигнутое благодаря взаимопроникновению общественного и личного в героях. Общественное и личное не были, таким образом, обособлены, но являлись разными сторонами большого целого — личности советского человека. Соответственно, исключительный акцент либо на общественном, либо на частном явился бы низведением многостороннего субъекта до какой-то одной грани.

Ценность рассказов Письменного, согласно его сторонникам, состояла в том, что он строил их не вокруг героев, но через них — как отражение социальной действительности. Оппонентам автора указывалось, что он не проигнорировал общественное и не преувеличил роль частного, но исследовал, как личное и общественное переплетаются в жизни людей. «Прямое» изображение героических поступков, когда персонаж раскрывается через социально-значимые действия, описываемые всезнающим повествователем, было заменено так называемым «обходным литературным приемом». Это, например, позволило представить героический поступок отца через смятенное сознание его сына²⁰. В другом из рассказов Письменного история о стройке и о романе между студенткой и секретарем парторганизации рассказывается двумя соседствующими голосами — Ольги и Никитина. Их воспоминания о прошлом сплетают их совместную работу и любовную связь в клубок большого эмоционального накала, сокрытый за неспособностью героев заявить о своих чувствах вслух²¹.

«Обходной литературный прием» Письменного ставил индивидуального героя с его самосознанием и эмоциями в центр повествования и делал его организующим центром сюжета. Сам по себе этот прием не был, конечно, новшеством, тем не менее, считалось, что он отражает изменения в общественном восприятии новой советской личности и является ключом к отражению самосознания нового поколения.

«В защиту влюбленных»

Слишком долго и слишком последовательно, и прямым и косвенным образом, поэту внушалось представление, согласно которому он сам совершенно неинтересен читателю²².

Литературная газета, 1941 г.

Интересное обсуждение литературных принципов и места индивидуума в поэзии развернулось в поэтических кругах и вылилось на страницы «Литературной газеты», которая в рубрике «Поговорим о лирике» представила позиции поэтов молодого поколения — К. Симонова, М. Алигер, А. Прокофьева, С. Щипачева, Е. Долматовского. Они требовали «права на лирическое выражение» от имени своего поколения. Для них необходимость того, что Симонов называл «пропагандой собственного я» с его мыслями и эмоциями, равно как и способность воплотить эту необходимость в поэтической форме, стали источником критики «типического я» поэзии начала 1930-х годов. «Типический» герой, «уверенно шагающий через повести и поэмы», стал восприниматься как литературный вымысел, искусственно лишенный индивидуальных черт и помещенный в мир деяний и свершений, как устаревшая система изображения. Поэт, верный «типичес-

кой» схеме, сравнивался с зеркалом, которое, отражая мир, уничтожает собственное «я». Противопоставляя «лирическое я» и «типическое я», молодые поэты пытались утвердить индивидуальное восприятие мира в качестве организующего принципа поэзии и возбудить интерес к таким темам, как любовь и семья. В перспективе, утверждали они, их индивидуализированное лирическое восприятие эпохи, полное деталей и случайностей, предстанет перед потомками как типичное и целостное, присущее не только отдельному человеку, но и всему поколению²³.

Однако провозгласить отказ от «типического» героя оказалось делом более легким, нежели реализовать заявленные принципы в поэтической практике. Бунтарские попытки раскрыть внутренний, эмоциональный мир отдельного человека слишком часто выливались в те же условности и штампы, которые подвергались критике на страницах «Литературной газеты». Обращение к теме советской любви и попытки нащупать новое понимание личностного оказались непростой задачей для многих молодых поэтов. Сборник стихов А. Прокофьева «В защиту влюбленных» представляет собой откровенную попытку введения темы любви и одновременно остается одним из наиболее ярких примеров несоответствия многообещающего (если не сказать вызывающего) заголовка и слабого поэтического исполнения.

Критик Д. Данин сожалел о том, что Прокофьев подменил «поэзию чувств» избитыми схемами: «она любит, он клянет судьбу и “третьего”, он любит, а она то ли любит, то ли не любит, то ли его, то ли “третьего” и т. д.» Критик уверяет поэта в том, что банальность, очевидная в содержании и форме (как, например, в пассаже «Я не знаю, что бы с миром стало, если б в мире не было тебя!»), оставит большинство читателей равнодушными и не способными прочувствовать лиризм стиха, лишенного ясности и глубины поэтического изображения²⁴.

Самый популярный представитель любовной лирики 1930-х годов Степан Щипачев, хотя и подвергался критике за схематизм и банальность, тем не менее остался верен себе, тогда как Прокофьев пытался защищать советских влюбленных посредством многочисленных перестановок в пределах любовного треугольника, Щипачев ограничил свое вторжение в сферу новых советских чувств темами «истинного целомудрия и верности». Подобный упор на «пропаганду советской морали» защищал, конечно, от нападков критиков, но в то же время неизбежно ограничивал сферу поэтического выражения. Молодое поколение советских поэтов окажется способным осуществить свои предвоенные поэтические замыслы только в годы войны, когда в их творчество проникнут чувства, страхи, эмоции, борьба между преданностью и неверностью, между ревностью и безразличием, между целомудрием и желанием.

«Ведь не можешь ты вечно жить моей жизнью»: семейно-бытовая тема на рубеже 1940-х годов

...нельзя быть равнодушной...
даже к себе²⁵.

А. Арбузов. «Таня». 1940 г.

Рассматривая развитие советской литературы 1930-х годов, В. Каверин был вынужден признать, что открытие личности как новой литературной темы произошло вне рамок профессиональной литературы. Согласно Каверину, советская

литература проглядела важные изменения в советском обществе конца 1930-х, изменения, которые потребовали переноса внимания с общего на частное с целью отразить новое состояние советского общества и удовлетворить нужды нового поколения читателей. Наиболее полно это смещение внимания произошло благодаря Николаю Островскому, чей «неровно и неаккуратно» написанный роман «Как закалялась сталь» был немедленно и с энтузиазмом воспринят молодежью в 1937 году²⁶.

Подобный успех произведения невысокого литературного качества у молодого советского читателя второй половины 1930-х годов, в целом лучше и более систематически образованного, нежели поколение революционного периода, потряс как литературных критиков, так и профессиональных писателей. Что же было такого в романе Островского, что делало несущественным даже его стиливое несовершенство? Организацией повествования Островский достиг двойной цели. Создавая автобиографическое произведение, автор наделил своего героя сравнительно сложным внутренним миром, изобразил его способным думать, чувствовать, страдать, тем самым позволяя читателю сопереживать ему. Беспрецедентный успех действующего и чувствующего героя обозначил и для писателей новое направление в художественном освоении советского общества, поставив нового советского человека в центр литературных дебатов²⁷.

Партийная и писательская печать 1938—1939 годов публикует многочисленные жалобы читателей на то, что писатели не желают поддержать инициативу Островского. Критики требовали от литераторов не повторения романа Островского, но переноса в литературу его подхода к личной жизни советского человека. Между тем произведения так называемого «семейно-бытового» направления, посвященные частной жизни, появляются регулярно. Особенно интенсивно «семейно-бытовая» проблематика развивается в драматургии.

Литература конца 1930-х годов отличается не только особым интересом к проблемам личной жизни нового поколения, но и стремлением осваивать эту проблематику на женских образах. Эта феминизация превратила молодых советских женщин в главный объект интереса литературы предвоенных лет. Основным вопросом литературной дискуссии конца 1930-х годов можно признать следующий: «Каким образом должна включаться личная проблематика в самосознание советских женщин и как привести ее в гармонию с остальными — прежде всего социальными — аспектами советской жизни?»

Жизнь женщины — главной героини пьесы Алексея Арбузова «Таня» выглядит предысторией героини Ф. Кнорре и могла бы объяснить феномен самоотжестствления героини Кнорре с личностью мужа. Арбузовская Таня реализует свое эмоциональное слияние с мужем Германом в полном и добровольном разрушении собственной общественной карьеры и в отказе от какой-либо частной жизни вне ее семьи. Веря, что «любить — значит забыть себя, забыть ради любимого», она бросает университет, оставляет друзей, отказывается от работы и посвящает свою жизнь Герману, его работе и его будущему: «Целые ночи я готова сидеть над твоими чертежами, потому что твои работы стали моими, потому что ты — это я»²⁸.

Потенциальная опасность такого самоотречения отмечается в пьесе самим мужем, а также Марией Шамановой, заведующей Дальневосточным золотым прииском. Герман предостерегает Таню: ты не можешь всегда жить моей жизнью, поскольку это наскучит и тебе и — мне. В образе Шамановой раскрывается идеал самореализации советской женщины в общественной жизни: «Нельзя быть безразличной... даже к себе», — говорит Шаманова Тане²⁹. Значение этих слов раскрывается Тане не сразу; можно сказать, что поиск этого смысла составляет сам сюжет пьесы. Как отмечала «Литературная газета», Таня представлена Арбузовым как «жена-ребенок», она вступает в брак, будучи еще в плену неопределенного детского сознания³⁰. Она лишила себя периода юношеского поиска и

становления и теперь пытается заполнить пробел в собственном эмоциональном развитии любовью к своему мужу. Иными словами, организация Таниной личной жизни призвана скрыть от нее самой внутреннюю пустоту. Именно поэтому Таня стремится не изучить и открыть, но, скорее, сотворить свое «я». Чтобы самореализоваться, героиня должна открыться многообразному миру работы, людей и такой любви, которая не обезличит, но, напротив, обогатит ее. Арбузов убедительно показывает, как частное пространство и частные отношения могут оказать деперсонифицирующее воздействие и лишить личность ее персональной и общественной индивидуальности: «она (Таня) в общем — ничего»³¹.

Проблема кажущегося «личного», убивающего индивидуальность женщины, была поднята в конце 1930-х годов писателями и драматургами-мужчинами. Отражая в своем творчестве новый интерес к частной жизни в предвоенном советском обществе, писатели демонстрировали понимание конфликта личного и общественного как сугубо женского. Это определило неизбежный выбор женщин в качестве главных персонажей.

Женщины в советских романах и пьесах не всегда предстают столь жертвенными, как арбузовская Таня. Например, в пьесе «Обычная история» Константин Симонов подошел к проблеме с точки зрения женщины, вполне осознающей конфликт между ее собственной индивидуальностью и браком. Симоновская Катя понимает, что в течение семи лет «у нее не было своей жизни». Жизнь, которой она жила, была «его жизнью». Привязав себя к мужу, она следовала за ним во всех его перемещениях с одного места службы на другое, нисколько не думая о своих собственных жизненных планах. Сохранив семью, Катя пожертвовала своей личностью. Ее работа всегда зависела от работы, от дела мужа: «Да, я тоже работала. Но как? И кем? Кто нужен был рядом с ним, — тем и была. Машинистка — машинисткой; няня в детском саду — няней; готовить надо было на сто человек — готовила; понадобилась медсестра — стала медсестрой»³². Даже ее личная мечта об учебе так и осталась нереализованной. Вина за то, что Катя «потеряла себя», приписывается безразличию мужа, но может быть распространена и на брак как таковой. Как и Арбузов, Симонов никак не различает личного и общественного; значение этих сфер в жизни героев всякий раз целиком зависит от конкретных ситуаций, когда замужество, как и работа медсестрой, может вести к обезличиванию, а желание учиться превращается в выдающееся личное достижение.

Важность личной сферы жизни раскрывается в советских романах и пьесах не только на примере молодого поколения, но и поколения тех, кто участвовал в революции и гражданской войне, восстанавливал страну в 1920-е и 1930-е годы и потому не имел времени на устройство личной жизни. Эти люди обретают личное счастье в зрелые годы через молодое поколение. Персонажи типа Голуба в «Обычной истории» Симонова или Марфы и Поташова из леоновской «Метели», живущие рядом с молодыми, соприкасаются с личной жизнью молодого поколения. Писатели и драматурги оказываются не только вовлеченными в проблемы молодого поколения, но и выражают ностальгию людей более зрелого возраста по нереализованной семейной жизни, коллективное осознание ими потери личного счастья.

Второстепенный женский персонаж Арбузова — Мария Шаманова, задуманный как идеальный пример советской женщины, оказывается незавершенным до тех пор, пока Мария не дополняет свою успешную карьеру на Дальнем Востоке созданием семьи. Слишком увлеченная работой и потерявшая любимого человека во время коллективизации, она никогда не имела возможности реализовать себя в семейной жизни. И хотя она уверяет, что любит работу «крепче всего», Мария глубоко переживает это. Полностью Шаманова раскрывается лишь тогда, когда Герман влюбляется в нее как в «самого красивого человека», женится на ней, когда у них появляется ребенок³³. Целостность и полнота натуры Шамано-

вой приведены в потрясающий контраст с Таниной пустотой, совершенно очевидной после того, как она теряет Германа. Только теперь, оставленная мужем и лишенная своего другого «я», она становится на путь самоопределения и в конце концов обретает собственную индивидуальность.

Арбузов не представляет Танин поиск легким и скорым, но, напротив, проводит свою героиню через долгий и мучительный процесс поисков самой себя. Танина привычка жить чьей-то жизнью укоренилась в ней слишком глубоко и не может быть легко изжита. Таня пытается жить для других — на этот раз для своего сына, о существовании которого Герман не подозревает. Она снова отвергает свое «я» во имя другого: «Из меня все равно ничего не выйдет... Но ты [сын] будешь самый сильный, самый красивый»³⁴. Но и этого легкого пути не оставляет своей героине автор — ее сын умирает. Отрицание материнства как ответа на кризис самосознания женщины настойчиво повторяется в советской литературе конца 1930-х годов. Симоновская Катя тоже лишена материнства как средства жить жизнью своего мужа. Со смертью ее сына Сережи рвется последняя нить между супругами. Подобным же образом героиня Кнорре Вера воспринимает свою дочь Леночку как препятствие на пути к желаемому самоубийству. Она решает отдать дочь в приют, убеждая себя в том, что Леночка «такая маленькая, она привыкнет жить без меня. Она покапризничает немного, а потом привыкнет. Это родители для собственного удовольствия придумали, что дети не могут без них жить»³⁵.

В отличие от литературы послевоенных лет, в 1930-е годы материнство вовсе не считалось панацеей от трагедий женской судьбы, хотя и рассматривалось как неотъемлемая часть самореализации женщины. Согласно литературе 1930-х, образ идеальной женщины требовал полноты самореализации — в работе, в браке и материнстве. Арбузовская Таня сначала становится целостной личностью и лишь затем встает на путь семейной жизни, повторяя путь Шамановой. Только став врачом, отправившись на Дальний Восток и, таким образом, дав своему «я» раскрыться собственным путем, она стала личностью, способной сформировать семью и стать матерью. Годы странствий и поисков не прошли напрасно, и в последнем акте пьесы Таня благодарит Шаманову за преподнесенный урок жизни.

Итак, семейно-бытовые пьесы и романы предвоенных лет изображали сложные социокультурные процессы. Отражая жизнь нового советского поколения с его особой культурой частного и запоздалую ностальгию участников революции и первых пятилеток, их стремление к семейному счастью, произведения семейно-бытовой тематики также освещали и будущее, свидетельствуя о глубоких общественных переживаниях по поводу неизбежности войны и возможности разрушения семьи и личной жизни. Война принесет серьезные изменения в понимание взаимодействия сфер личного и общественного, спор об этом станет более традиционным и будет вращаться вокруг проблем частной жизни и работы, а идеал многосторонней самореализации женщины уступит место всеобщей ностальгии по «нормальной жизни» и «семейной женщине», олицетворяющей семейный очаг, материнство же превратится из важнейшей составляющей образа жизни женщины в определяющую черту и способ существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 М. Хранченко. Театр и его репертуар // Правда. 1940. 10 августа. См. также речь председателя Главреперткома Бурмистренко на заседании секции драматургии Союза писателей 3 сентября 1940 г. (РГАЛИ, ф. 631, оп. 2, ед. хр. 431, л. 18).

2 О новом поколении 1930-х годов см.: Ю. Шарпов. Лицей в Сокольниках: Очерк

истории ИФЛИ. М., 1995.

- 3 С. Маршак. Заметки о детской литературе // Правда. 1940. 6 июля.
- 4 См.: Б. Рунин. Повесть о любви и дружбе // Правда. 1939. 7 октября; Л. Кассиль. Первая любовь // Правда. 1940. 26 июля.
- 5 Ф. Кнорре. Твоя большая судьба. М., 1941. С. 21—22. См.: С. Трегуб. Твоя большая судьба // Правда. 1940. 7 июня.
- 6 Коммунистическая мораль и воспитание молодежи (Ред.) // Правда. 1940. 27 августа.
- 7 В. Коротеев. Наболевшие вопросы комсомольской работы // Правда. 1940. 7 июня.
- 8 См.: К новому подъему комсомольской работы // Правда. 1940. июля.
- 9 С. Образцов. Кто виноват? // Правда. 1940. 11 августа; Т. Власко. Мысли матери // Правда. 1940. 22 августа.
- 10 Коммунистическая мораль // Правда. 1940. 27 августа.
- 11 Священная обязанность каждого коммуниста и комсомольца (Ред.) // Правда. 1940. 14 августа; В. Коротеев. Воспитание молодежи на производстве и в быту // Правда. 1940. 28 августа.
- 12 О личном и общественном см.: Eric Naiman. Sex in Public: The Incarnation of early Soviet Ideology. Princeton, 1997; Michael David-Fox. Revolution in the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918—1929. Ithaca, 1997.
- 13 В. Коротеев. Воспитание молодежи на производстве и в быту // Правда. 1940. 28 августа; Наболевшие вопросы комсомольской работы. (Ред.) // Правда. 1940. 7 июня.
- 14 С. Трегуб. Твоя большая судьба // Правда. 1940. 7 июня.
- 15 Л. Кассиль. Первая любовь // Правда. 1940. 26 июля.
- 16 Р. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви. М., 1939. С. 162.
- 17 См.: Фальшивый фильм: О кинокартине «Закон жизни». (Ред.) // Правда. 1940. 16 августа; Д. Бабиченко. Писатели и цензоры. М., 1994. С. 22—31.
- 18 А. Гурвич. Чувство времени // Литературная газета. 1940. 5 января.
- 19 Там же.
- 20 Н. Атаров. Обыкновенные этюды // Лит. газета. 1939. 15 июля.
- 21 А. Письменный. Через четыре года: Рассказы. М., 1939.
- 22 Д. Данин. Условный мир // Лит. газета. 1940. 20 мая; Единство и многообразие. (Ред.) // Лит. газета. 1941. 23 марта.
- 23 К. Симонов. Заметки о поэзии // Лит. газета. 1939, 31 декабря; Я. Смеляков. Преодоление страданий // Лит. газета. 1939. 15 сентября; А. Адалис. Лирика и воробы // Лит. газета. 1940. 20 июня.
- 24 Д. Данин. Условный мир // Лит. газета. 1940. 20 мая.
- 25 А. Арбузов. Таня. М., 1940. С. 33.
- 26 В. Каверин. Современная тема // Лит. газета. 1939. 10 марта; Е. Усевич. Молодая проза // Правда. 1939. 16 августа.
- 27 В. Каверин. Ненаписанные книги // Лит. газета. 1939, 30 июля; А где же любовь? (Ред.) // Лит. газета. 1940. 13 октября; Внутренний мир героя. (Ред.) // Лит. газета. 1941. 13 января; Е. Усевич. Молодая проза // Правда. 1939. 16 августа.
- 28 А. Арбузов. Таня. С. 14.
- 29 Там же. С. 33.
- 30 А. Роскин. Таня // Лит. газета. 1939. 5 апреля.
- 31 А. Арбузов. Таня. С. 32.
- 32 К. Симонов. Обычная история. М., 1954.
- 33 А. Арбузов. Таня. С. 40.
- 34 Там же. С. 60.
- 35 К. Симонов. Обычная история. С. 70; Кнорре. Твоя большая судьба. С. 9.